

УДК 327-027.21

**Дисциплинарный статус исследований
международных отношений: теоретические
и метатеоретические аспекты**

Сафронова Ольга Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории и теории международных отношений,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
603005, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2;
e-mail: o.v.safronova@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблематика дисциплинарности исследований международных отношений. Анализируются специфические особенности решения вопросов автономного и научного статуса исследований в рамках так называемых «больших споров» («великих дебатов») в теории международных отношений. В заявленном контексте проводится анализ становления и развития основных теоретических школ и направлений, или парадигм, ТМО, а также поднимаются вопросы метатеоретического уровня научного знания. В решении вопроса дисциплинарного статуса выделяют три этапа: первый, определяемый хронологически до середины XX в., подводит ученых к сознательной постановке вопроса о дисциплинарном статусе исследований МО; второй связан с достижением консенсуса об автономном и научном статусе исследований МО в рамках «второго большого спора» и после него; третий совпадает с определением новых параметров научности в рамках «постпозитивистского большого спора».

Ключевые слова

Теория международных отношений, ТМО, «большие споры», «великие дебаты», парадигмы ТМО.

Для цитирования в научных исследованиях

Сафронова О.В. Дисциплинарный статус исследований международных отношений: теоретические и метатеоретические аспекты // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 1. С. 54-75.

Введение

Проблематика дисциплинарности исследований международных отношений находит живой отклик в академической среде на протяжении всего существования этой сферы научного поиска. И по сей день, как и почти сто лет назад¹, сохраняется определенный уровень дискуссионности в решении данного вопроса. Это утверждение можно отнести как к североамериканской и европейской науке, так и отечественной, хотя следует подчеркнуть, что содержание дискуссии и определение ее значения в России и на Западе кардинальным образом отличаются.

С нашей точки зрения, в дискуссии о дисциплинарном статусе исследований международных отношений необходимо выделить два взаимосвязанных и взаимообусловленных «измерения». С одной стороны, это обсуждение вопросов *автономности* МО как научной дисциплины², а с другой – *научной состоятельности и научного содержания* исследований в рамках МО. Полагаем, что именно эти измерения задают определенную систему координат для анализа дискуссии о дисциплинарном статусе исследований, развернувшейся в теории международных отношений (ТМО).

В рамках последней узловыми моментами для постановки и поиска решения фундаментальных теоретических и метатеоретических вопросов стали так называемые «большие споры», или «великие дебаты» (great debates),

---

1 В 1919 г. в Университете Абериствита в Уэллсе была образована первая кафедра международных отношений; это событие признается формальной точкой отсчета в истории науки МО.

2 Мы используем аббревиатуру «МО» для обозначения науки международных отношений, а строчное написание «международные отношения» – для обозначения реальности, которая является объектом исследования.

а проблематика дисциплинарности стала их неотъемлемой частью. Следует сделать некоторые пояснения относительно использования указанных терминов. В контексте данного исследования к *теоретическим* мы относим вопросы становления и развития основных теоретических школ и направлений, или парадигм, ТМО, между которыми в рамках «больших споров» и разворачивалась интеллектуальная борьба, накал которой порой был таким высоким, что получил весьма красноречивое название «войны парадигм». К *метатеоретическим* вопросам мы относим традиционно понимаемые в философии науки вопросы метатеоретического уровня научного знания, прежде всего философских оснований МО. На разных этапах развития ТМО в контексте «больших споров» особое звучание приобретали вопросы онтологических, методологических и эпистемологических оснований исследования международных отношений.

Применяя указанные исследовательские рамки, можно, на наш взгляд, выделить три переломных момента в решении проблемы дисциплинарности. Первый – до середины XX в. – подводит ученых к сознательной постановке вопроса о дисциплинарном статусе международных исследований. Второй связан с достижением консенсуса об автономном и научном статусе МО в рамках «второго большого спора», третий – с утратой консенсуса и определением новых параметров дисциплинарности в рамках постпозитивистского «третьего/четвертого большого спора».

При всем многообразии содержательных ответов и позиций сторон на каждом из определяемых нами этапов дискуссии строились вокруг сходного круга вопросов: в какой мере исследования международных отношений могут рассматриваться как автономная дисциплина и каковы параметры этой автономности, являются ли исследования международных отношений частью политологии или же они представляют собой междисциплинарный «проект».

Становление исследований международных отношений

Толчком к началу осознанного изучения международных отношений как специфического феномена стало формирование единой международной системы во второй половине XIX в., непосредственно связанное с завершени-

ем промышленного переворота, имеющего принципиальные экономические и социально-политические причины и последствия не только в страновых рамках, но и в общемировом масштабе. Эта новая историческая реальность неизбежно порождает «запрос» на ее интеллектуальное осмысление [Buzan, Little, 2000, 5].

К самым первым попыткам концептуального определения новой международной реальности в конце XIX в. мы относим возникшие «теории» геополитики и исследований империализма, появившиеся на рубеже XIX-XX вв. (Дж. Гобсон) и в начале XX в. (В.И. Ленин). Однако следует признать, что вплоть до окончания Первой мировой войны та область исследования, которую мы относим сейчас к международным отношениям, в Западной Европе и Северной Америке практически полностью была монополизирована историей дипломатии.

После окончания Первой мировой войны доминирующее положение занимает подход, базирующийся на отказе от превалирующих в дипломатической истории того времени категорий концепции «баланса сил» (в чем проявилось и травматическое осознание уроков мировой войны, и стремление избежать ее повторения в будущем) и получивший в дальнейшем наименование «политического идеализма». Он фокусировал внимание на поисках общих целей для международного сообщества, а также поисках различных форм правового регулирования и институциональной организации международной жизни [Morgenthau, 1964, 107]. В немалой степени оформлению политического идеализма в межвоенный период способствовало стремление дисциплинарно обособить исследование международных отношений, подчеркнуть их отличный от дипломатической истории характер.

Нельзя не признать, что политическому идеализму была свойственна излишняя доля оптимизма и уверенности в возможности достижения идеальной организации международного сообщества. Однако достаточно часто высказываемая на этом основании оценка, согласно которой в межвоенный период исследования международных отношений «скатились в утопизм» (со всеми возможными негативными коннотациями), является излишне упрощенной. На наш взгляд, формирование повестки политического идеализма было своеобразным

протестом против применения к анализу международных отношений постулатов «юридической теории государства», укоренившейся к концу XIX в. в американской политологии и рассматривавшей сферу международных отношений как место, где господствует «анархия» (эквивалент «гоббсианского естественного состояния») и прямое противопоставление иерархии политической системы суверенного государства) (подробнее см.: [Сафронова, 2015, 76-77]).

Однако кризис политического идеализма в 1930-е гг., помимо прямых последствий для изменения содержательной исследовательской повестки международных отношений, имел и «дисциплинарное» последствие, выражающееся в том, что МО во все возрастающей степени стали рассматриваться как часть (sub-field) политологии, что нашло свое подтверждение и в университетской структуре, где кафедры международных отношений были образованы в рамках департаментов политологии [Buzan, Little, 2000, 24].

Признавая значимость вклада политического идеализма в формирование исследовательской проблематики МО, следует, однако, отметить, что более существенным шагом в развитии дисциплинарности МО стал «первый большой спор», который разворачивался с конца 1930-х до конца 1940-х гг. и привел к смене концептуального лидера: идеализм был вытеснен оформившейся после Второй мировой войны школой «политического реализма».

Не останавливаясь на детальном описании содержания «первого большого спора», хотелось бы акцентировать внимание на том, что в тех исторических условиях притягательность политического реализма коренилась в его фокусе на реальных политических процессах, протекающих в сфере международного взаимодействия. Важно также отметить, что и правовые, и институциональные механизмы, изучение которых в межвоенный период считалось практически самоценным и достаточным, стали рассматриваться в более широком международно-политическом контексте, а в отношении международного права все более росло понимание его неразрывной и близкой связи с международным политическим контекстом [Harrison, 1964, 6-7].

В данной статье мы не ставим задачу детального описания постулатов политического реализма. Важно, на наш взгляд, лишь подчеркнуть, что заслуга его отцов-основателей и, в частности, Ганса Моргентау, состоит в том, что был

заложен серьезный онтологический фундамент для дальнейших дискуссий о сущности международных отношений. Представление ядра международных отношений как политического противоборства великих держав на годы вперед определило траектории эволюции и самого политического реализма, и его критиков.

Таким образом, первый этап в становлении МО как научной дисциплины характеризовался целенаправленными поисками аналитических ориентиров и неизбежно значительной степенью влияния смежных дисциплин. Кризис идеализма и формирование школы политического реализма усиливали влияние политологии, превращая эту тему дискуссий о дисциплинарности МО в постоянную. Однако в то же время политический реализм, предложивший «рациональную теорию международной политики» [Morgenthau, 1985] и ставший первой собственно теоретической школой МО, открывал весомые исследовательские альтернативы и создавал фундамент автономной науки МО. Пожалуй, самым важным для формирования дисциплинарности МО стало то, что оформление школы политического реализма в конце 1940-х гг. вплотную подвело профессиональное сообщество к сознательной постановке вопроса о научном и дисциплинарном статусе исследований МО.

Проблематика дисциплинарности во «втором большом споре» в ТМО

«Второй большой спор», развернувшийся на волне «бихевиористской революции» в политической науке в середине XX в., занимает особое место в ТМО. Традиционно сторонами спора считаются, с одной стороны, «модернисты» – поборники активного привлечения методов точных и естественных наук («сайенсных» методов), включая количественные, а с другой стороны – «традиционалисты», ратовавшие за примат использования традиционных интуитивно-логических методов как наиболее адекватных инструментов в познании сущности международных феноменов.

В контексте данного исследования важно подчеркнуть, что за методическим содержанием спора стояли более глубокие и имеющие фундаментальное

значение проблемы. Дискуссии в ходе «второго большого спора» позволили значительно продвинуться в решении вопроса о научном и дисциплинарном статусе МО. По замечанию П.А. Цыганкова, источником «второго большого спора» и стало стремление молодого поколения исследователей «придать изучению международных отношений подлинно научный статус» [Цыганков, 1996, 25]. Отсюда и их стремление к использованию «сайенсных» методов – методов точных и естественных наук, статус которых был незыблем в категориях классической науки – как путь подтверждения научной состоятельности исследований МО.

Именно на волне «второго большого спора» и как прямое следствие адаптации методологии естественных наук в исследованиях МО укореняется и начинает творчески развиваться системный подход. Применение последнего позволило привнести научную строгость в определение предмета исследования МО и, что принципиально важно, заявить на этом основании об автономности дисциплины [Buzan, 1995, 201].

Таким образом, в результате «второго большого спора» в профессиональной среде был достигнут консенсус относительно автономного статуса исследований международных отношений и их научной состоятельности. Дальнейшее развитие исследований было напрямую связано с эволюцией и все более широким применением системного подхода в рамках складывающихся в ТМО парадигм.

Интересно отметить, что еще одним проявлением достигнутого консенсуса стало снятие остроты вопроса о соотношении политологии и исследований МО. Применение системного подхода и особенно реализация его инструментария в специфической для науки МО «проблеме уровней анализа» способствовали «географическому разделению» политического поля между собственно политологией и международными отношениями [Цыганков, 1996, 64]. Это «разграничение полномочий» между ними было закреплено в русле упоминавшейся ранее «юридической теории государства», проводящей жесткое разделение между внутривнутриполитическими (inside) и международно-политическими (outside) процессами, ключевым «игроком» в которых выступает суверенное государство.

Дискуссии в рамках «второго большого спора» имели еще одно принципиально важное следствие для развития науки МО: они активизировали аналитические усилия по укреплению ее теоретического ядра.

В годы, когда разворачивался «второй большой спор», превалирующим в дискуссиях оставалось мнение о том, что в рамках науки МО еще не было достигнуто той степени интегрированности и когерентности, которая позволяла бы окончательно снять вопрос об автономности, выдвигая в качестве ключевого аргумента существование единого теоретического ядра [Harrison, 1964, 9-13]. В тот период времени в профессиональном сообществе была сознательно сформулирована задача разработки общей теории, в полной мере реализующей аналитическую и прогностическую функции. Важно отметить, что на том этапе развития науки МО задача создания единой общей (grand/general) теории рассматривалась и как приоритетная, и как достижимая (кстати, занявшая после Второй мировой войны лидирующие позиции школа политического реализма и представленная Г. Моргентау «рациональная теория международной политики» претендовала именно на статус общей теории).

Значение «второго большого спора» в контексте развития теоретического ядра науки МО выразилось, прежде всего, в трансформации классического политического реализма в структурный реализм (неореализм), реализовавший системный подход в исследовании международных отношений и оформившийся с публикацией в 1979 г. книги Кеннета Уолтца «Теория международной политики» [Waltz, 1979], занимавшей лидирующую позицию в индексах цитирования вплоть до конца XX в. и оказавшей огромное влияние на развитие не только реалистических исследований, но и других школ ТМО [Сафронова, 2013].

С другой стороны, «модернизм», который в рамках «второго большого спора» пусть и не смог предложить новой «парадигмы», создал «широкий ассортимент эмпирических исследований» [Waever, 1996, 155], послуживших плодотворной почвой для формирования альтернативного реализму взгляда на международные отношения. Этот импульс был во всей полноте реализован во второй половине 1960-х – 1970-е гг. в рамках «транснациональных исследований», бросивших вызов реализму и предложивших альтернативную повестку

в изучении международных отношений, актуализировав вопрос об объекте исследования. «Транснационализм» претендовал на значительно более широкий спектр исследований МО, подчеркивая изменения в составе акторов и процессах, тем самым – в характере современной реальности. Он также имел принципиальное значение для формирования мирополитических исследований³, а также был прямой предтечей оформившегося к середине 1980-х гг. неолиберального институционализма, материализовавшего альтернативную реализму парадигму исследований.

Параллельно в рамках ТМО происходит признание «права на существование» за третьей парадигмой, получившей название «глобализм», по преимуществу включающей неомарксистские интерпретации международных отношений.

Таким образом, на смену стремлению создать единую «большую» (*grand/general*) теорию международных отношений приходит принятие теоретического (парадигматического) многообразия как составляющего саму суть современной ТМО. Становится даже модным представлять дисциплину как вовлеченную в трехсторонние дебаты. Этот феномен получил название «межпарадигматических дебатов» [Waever, 1996]. Эта трансформация, на наш взгляд, носит принципиальный характер для понимания современного состояния теоретических исследований МО.

Подводя итоги рассмотрения значения «второго большого спора» в решении проблемы дисциплинарности МО, следует еще раз подчеркнуть, что, благодаря реализации системного подхода в анализе международных отношений, как прямое следствие «второго большого спора» достигается профессиональный консенсус относительно научного и автономного статуса исследования МО.

Но потенциал «второго большого спора» не исчерпывался только этим. Начавшись как спор методологического плана о том, с помощью каких инструментов мы изучаем реальность, *как* мы изучаем международные отношения, он приводит к существенному обогащению онтологии дисциплины в отноше-

---

3 В современной российской науке противопоставление «международных отношений» и «мировой политики» имеет специфические особенности, определяя своеобразие национальной школы [Богатуров, 2010, 15-39; Цыганков, 2013].

нии того, *что* мы изучаем. Результатом дискуссий становится принимаемое консенсусом теоретическое многообразие ТМО, однако, с точки зрения организации и сущности научного знания, все теории МО находились в стане «традиционных», или, по словам Р. Кокса, «нацеленных на разрешение проблем» (problem-solving) теорий [Devetak, 2005, 141], отвечающих рационалистическим критериям позитивизма/неопозитивизма. Именно эти характеристики теоретического знания о международных отношениях оказываются в центре дискуссий уже на следующем этапе.

«Постпозитивистский большой спор»: конец ТМО?

Установившемуся после «второго большого спора» профессиональному консенсусу в середине 1980-х гг. был брошен серьезный вызов, знаменующий начало нового этапа и имеющий фундаментальное значение для современного определения статуса исследований МО. Этот период получил название «третьего (постпозитивистского) большого спора»⁴.

Постпозитивистский вызов был подобен землетрясению. Все ранее достигнутые «пункты соглашения» стремительно разрушались. Рамки данного исследования не позволяют нам погрузиться в детальное описание содержания спора; подчеркнем лишь, что принципиальные параметры дискуссий заданы им гораздо более масштабно, чем в предыдущие годы. Спор, сущность которого можно определить как противостояние позитивистского «рационализма» и постпозитивистского «рефлексивизма», носит характер эпистемологического, затрагивающего фундаментальные вопросы о сущности научного знания и возможности его достижения в принципе.

Со стороны наиболее радикальных критиков рационализма высказывалось сомнение в самой возможности существования научного знания и знания о

---

4 В научной литературе есть некоторые разночтения по поводу того, каким по счету является «постпозитивистский спор»: в известной статье Йозефа Лапида он назван третьим [Lapid, 1989]; некоторые ученые называют третьим спором период «межпарадигматических дебатов», а в отечественной литературе часто можно встретить определение третьего спора как спора между транснационализмом и реализмом во второй половине 1960-х – 1970-е гг. (в этих случаях «постпозитивистский спор» считается четвертым).

международных отношениях в частности. Но даже менее радикальные критики способствовали росту неопределенности относительно дальнейшей судьбы ТМО. Выход теоретических дискуссий на новый уровень, конечно, стимулировал поиски новых ответов и способствовал очень интересным поворотам в развитии исследований, но значительная неопределенность сохраняется и по сей день: не случайно одна из секций ежегодной конференции Ассоциации международных исследований в Сан-Диего в 2012 г. была названа «Конец ТМО?», и это не единственный пример подобного рода. Как нам кажется, для большинства ученых-международников знак вопроса в указанной формулировке – скорее приглашение к новой дискуссии, а не указание на смертельный диагноз. В данном контексте интересным представляется анализ публикаций в одноименном специальном выпуске журнала «European Journal of International Relations», вышедшем в 2013 г.

Редакторы номера, обобщая итоги развернувшейся дискуссии, обращают внимание на распространение теорий разного уровня в контексте «третьего/четвертого большого спора» и указывают на неизбежность постановки вопроса о степени принятия подобного теоретического плюрализма [Dunne, Hansen, Wight, 2013]. Они отмечают как сосуществование в современной ТМО нескольких типов теорий, включая «объяснительные» (свойственные рационалистической исследовательской программе), критические, нормативные, конститутивные, так и сохраняющиеся более ограниченные интерпретации теорий как «линз», через которые акторы смотрят на мир и которые не всегда проявляют достаточную для формирования теории логичность и обоснованность [Ibid., 407-412]. Движущими силами подобного разнообразия являются и бурное изменение самой реальности, и влияние смежных дисциплин, и внутренняя логика развития ТМО.

Однако где находятся приемлемые границы теоретического плюрализма? Позиция редакторов номера заключается в том, чтобы пройти между «Сциллой» полного релятивизма и «Харибдой» восприятия плюрализма как временного и промежуточного состояния на пути к формированию «единства через плюрализм». Свою позицию они определяют как «интегративный плюрализм», который сохраняет и принимает «обоснованность суще-

ствования широкого круга теоретических перспектив и включает в себе теоретическое разнообразие как средство обеспечения более всесторонней и многомерной оценки сложных феноменов» [Ibid., 416]. Такая позиция кажется нам достаточно взвешенной для определения современного состояния дисциплины, и именно такая позиция позволяет «услышать» многоголосие современной ТМО. А в представленной дискуссии действительно присутствуют разительно отличающиеся «голоса». Приведем лишь несколько примеров.

Так, Д. Лейк вполне согласен с идеей «конца ТМО», если под последним понимать закат «великих дебатов» больших теорий, или «войн парадигм», предстающих как столкновение «квази-религиозной убежденности в правоте одного или другого “изма”» [Lake, 2013, 568]. Однако развитие теорий среднего уровня (mid-level theories) он считает основой для прогресса дисциплины [Ibid., 581].

К. Рюс-Смит, напротив, считает, что мы не можем быть свободными от метатеоретических предположений, даже если метатеория сейчас не в моде: отсутствие размышлений метатеоретического уровня может подорвать саму идею получения практически значимого знания [Reus-Smit, 2013, 605]. Интересно, что близкую по смыслу позицию занимают и представители совершенно другого направления исследований МО – Дж. Миршаймер и С. Уолт. Они подчеркивают, что отказ от создания и усовершенствования теорий, а также применения их в качестве руководства для проведения эмпирических исследований является ошибочным, так как приводит к использованию в тестировании гипотез ложно определяемых моделей или вводящих в заблуждение оценок ключевых концепций [Mearsheimer, Walt, 2013, 427].

К. Браун видит преодоление столкновения двух антиподов «постпозитивистского спора» – рационализма и рефлексивизма – в том, чтобы «спрессовать» воедино два вида теорий, идентифицированных Р. Коксом – «традиционных» и «критических» – для решения насущных мировых проблем [Brown, 2013, 494].

Таким образом, кризис рационализма и последовавшее за этим переосмысление метатеоретических и теоретических оснований исследований между-

народных отношений с точки зрения ученых-международников отнюдь не свидетельствует о «конце ТМО». По словам П. Джексона и Д. Нексона, международная теория «просто проходит через метаморфозу»; она не будет такой, какой была прежде, она гораздо шире и более диверсифицирована, но в этом, возможно, и заключается ее прогресс [Jackson, Nexon, 2013, 560].

С нашей точки зрения, современная теория международных отношений преодолела первоначальную остроту и болезненность постпозитивистской «революции», когда исследователи оказались в ситуации необходимости достаточно жесткого и бескомпромиссного определения своей позиции. Как и в случае со «вторым большим спором», можно увидеть, что первоначально заданные метатеоретические рамки спора со временем оказали благотворное влияние на дискуссии, касающиеся содержательной стороны исследований международных отношений. С нашей точки зрения, мы наблюдаем достижение очередного профессионального консенсуса в части понимания новой роли теории международных отношений в определении дисциплинарности МО.

Следует обратить внимание на то, что в контексте «постпозитивистского большого спора» получают новое звучание уже знакомые нам вопросы дисциплинарности, связанные с определением отношений науки МО с родственными дисциплинами. Однако поиск ответов, как и следовало предположить, определяется принципиально иными параметрами. Весьма показательной является, на наш взгляд, дискуссия, развернувшаяся в 2015 г. на страницах журнала «International Relations», участники которой формулируют, в сущности, ту же «триаду» вопросов, что звучали и раньше: являются ли исследования международных отношений частью политологии, самостоятельной дисциплиной или «гибридным полем междисциплинарных исследований» [Grenier, Turton, Beaulieu-Brossard, 2015, 242]. Однако на новом витке развития науки поиск ответов лежит совсем в иной плоскости.

Так, например, Ф. Гренье утверждает, что само стремление определить МО в дисциплинарных рамках способствует лишь легитимации и воспроизводству унифицирующей рационалистической (неопозитивистской) практики получения нового знания, ограничивая возможности увидеть конституирующую роль

академического нарратива [Grenier, 2015, 251-252]. Он также отмечает, что это же стремление к определению дисциплинарности «загнало» исследования МО в положение «подраздела в рамках американской политологии», а это, в свою очередь, неизбежно ограничило фокус исследований исключительно вопросами международной политики и сделало приоритетной этатистскую онтологию [Ibid., 252]. С его точки зрения, более приемлемым в современных условиях было бы признать «гибридную» коллективную идентичность исследований международных отношений [Ibid., 253].

Во многом сходную позицию занимает П. Аалто. Рассматривая в качестве примера международное сотрудничество в Арктике, он выступает за «систематическое движение от дисциплинарности к междисциплинарности», так как только такой подход, с его точки зрения, способен привести адекватное понимание современных международных феноменов и продвинуться в решении комплексных практических задач [Aalto, 2015, 255]. Продолжая эту линию рассуждений, Л. Хансен считает, что будущее исследований международных отношений предполагает больше, а не меньше междисциплинарности [Hansen, 2015, 267].

О расширении рамок исследуемого объекта и все большей проблематичности уместить МО в дисциплинарные рамки говорит и И.Бэрн, подчеркивая, что большинству работ в этой сфере свойственно размывание грани между «международным, глобальным и локальным» [Baron, 2015, 261]. В этом смысле, по словам К. Кеннеди-Пайп, это скорее «перекресток, где встречаются дисциплины», «транс-дисциплинарное поле», так как «международные отношения» не являются уникальным предметом только для собственно науки МО [Ibid., 260-261]. С точки зрения И. Бэрона, попытки установить параметры и границы «международных отношений», зафиксировать «нормальные» способы исследования этой реальности окажутся тщетными и более похожими на акты симуляции этой реальности [Ibid., 260].

Ф. Болье-Броссар отмечает, что очень хрупкий консенсус, определяющий специфический объект исследования и, как следствие, дисциплинарность МО, продолжает заключаться в воспринимаемой как должное дихотомии между «inside» и «outside». Подчеркивая, в духе социального конструктивизма, пер-

формативность языка (основанную на посылке, что язык, используемый для описания «реальности», формирует эту «реальность»), он отмечает, что признание за МО статуса «специфической дисциплины» способствует «стабилизации» этой дихотомии, поощряя подавление других перформативов, «переводя их знание в термины дисциплины МО». Однако академическое сообщество международных отношений не обладает прерогативой «перформативности международных отношений», а будущее МО как специфической «дисциплины», с его точки зрения, зависит от «сопротивления объекта исследования» другим – за рамками указанного «консенсуса» – перформативам [Beaulieu-Brossard, 2015, 263-265].

Х.Л. Тёртон, напротив, делает больший акцент на вопросах институциональности. Она подчеркивает, что сводить дисциплинарность к консенсусу вокруг установленного предмета или метода означает игнорировать множество других функций и процессов дисциплинарности, таких как «институциональные структуры, дискурсы и академические идентичности» [Turton, 2015, 245]. Наличие сообщества ученых, определяющих свою принадлежность к дисциплине, а также сложившиеся дискурсивные практики прежде всего, с ее точки зрения, определяют дисциплинарность. И с точки зрения соответствия этим социологическим критериям, исследования МО обладают дисциплинарностью. Что же касается междисциплинарного генезиса исследований МО, Х.Л. Тёртон напоминает хлесткое высказывание Б. Бузана и Р. Литтла о том, что «все дисциплины выпрашивают, занимают и крадут друг у друга» [Ibid.], подчеркивая невозможность достижения полной «независимости» любой общественной дисциплины.

Заключение

Очевидно, что дискуссии относительно дисциплинарности МО далеки от завершения и, смеем надеяться, не прекратятся никогда. Как показывает нам история развития науки МО, на каждом этапе достигается определенный уровень дисциплинарного консенсуса, подрываемый новым витком «больших споров», которые были и остаются элементом саморазвития и самосознания

дисциплины, стимулирующим дальнейшие научные поиски и открывающим новые перспективы.

Проблематика дисциплинарного статуса, конечно, не является уникальной для науки МО, но имеет весьма специфические особенности, рассмотрение которых в исторической перспективе позволяет более глубоко понять, каков современный уровень развития исследований, и оценить их перспективы. Одним из объяснений этого феномена может быть относительная «молодость» науки МО по сравнению с другими общественными дисциплинами. Однако более существенным представляется то, что в становлении и развитии исследований МО в XX – начале XXI вв. все исторические этапы современной науки – новоевропейский классический, неклассический и постнеклассический – присутствовали практически одновременно. Этим, как нам кажется, и можно объяснить то «напряжение» и сложность переплетений в решении проблемы дисциплинарности. Так, в результате «второго большого спора» был установлен консенсус в отношении дисциплинарности МО в духе классического «сайенсного» понимания с претензией на чистую объективность и истинность научного знания. Однако практически сразу же это согласие было подорвано онтологическими и методологическими основаниями неклассической науки, породившими бурный расцвет системных исследований в рамках всех сложившихся парадигм. А «постпозитивистский большой спор» явился выражением прихода постнеклассических оснований в исследование МО.

На всем протяжении существования науки МО «большие споры» представляли траекторию дисциплинарного развития и стимулировали это развитие через преодоление фундаментальных разногласий. Уверены, что «третий/четвертый большой спор» не станет последним, а значит, вновь – уже на новом этапе – будут поставлены вопросы о содержании и смысле дисциплинарности МО.

Библиография

1. Богатуров А.Д. (ред.) Современная мировая политика: прикладной анализ. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 2010. 592 с.

2. Сафронова О.В. История определения дисциплинарного статуса исследований международных отношений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 4. С. 75-84.
3. Сафронова О.В. Системный анализ международных отношений: наследие К. Уолтца // Традиции и инновации в международно-политическом процессе: региональное и глобальное измерение: мат. междунар. науч. конф. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2013. С. 147-157.
4. Цыганков П.А. «Международные отношения и мировая политика»: консолидация учебно-научной дисциплины? // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 3-4 (34-35). С. 6-20.
5. Цыганков П.А. Международные отношения. М.: Новая школа, 1996. 320 с.
6. Aalto P. Interdisciplinary international relations in practice // International relations. 2015. Vol. 29. No. 2. P. 255-259.
7. Baron I.Z. IR has not, is not and will not take place // International relations. 2015. Vol. 29. No. 2. P. 259-263.
8. Beaulieu-Brossard P. Bypassing the reflexivity trap: IR's disciplinary status and the politics of knowledge // International relations. 2015. Vol. 29. No. 2. P. 263-266.
9. Brown C. The poverty of grand theory // European journal of international relations. 2013. Vol. 19. No. 3. P. 483-497.
10. Buzan B. The level of analysis problem in international relations reconsidered // Booth K., Smith S. (eds.) International relations theory today. University Park: Pennsylvania State University Press, 1995. P. 198-216.
11. Buzan B., Little R. International systems in world history. Remaking the study of international relations. N.Y.: Oxford University Press, 2000. 452 p.
12. Devetak R. Critical theory // Theories of international relations. 3rd ed. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005. P. 137-160.
13. Dunne T., Hansen L., Wight C. The end of international relations theory? // European journal of international relations. 2013. Vol. 19. No. 3. P. 405-425.
14. Grenier F. An eclectic fox: IR from restrictive discipline to hybrid and pluralist field // International relations. 2015. Vol. 29. No. 2. P. 250-254.

15. Grenier F., Turton H.L., Beaulieu-Brossard P. The struggle over the identity of IR: What is at stake in the disciplinary debate within and beyond academia? // *International relations*. 2015. Vol. 29. No. 2. P. 242-244.
16. Hansen L. Debating the identity of IR: Concluding reflections // *International relations*. 2015. Vol. 29. No. 2. P. 266-269.
17. Harrison H.V. Introduction // Harrison H.V. (ed.) *The role of theory in international relations*. Princeton, N.J.: D. Van Nostrand Company, 1964. P. 1-14.
18. Jackson P.T., Nexon D.H. International theory in a post-paradigmatic era: From substantive wagers to scientific ontologies // *European journal of international relations*. 2013. Vol. 19. No. 3. P. 543-565.
19. Lake D.A. Theory is dead, long live theory: The end of the Great Debates and the rise of eclecticism in international relations // *European journal of international relations*. 2013. Vol. 19. No. 3. P. 567-587.
20. Lapid Y. The third debate: On the prospects of international theory in a post-positivist era // *International studies quarterly*. 1989. Vol. 33. No. 3. P. 235-254.
21. Mearsheimer J.J., Walt S.M. Leaving theory behind: Why simplistic hypothesis testing is bad for international relations // *European journal of international relations*. 2013. Vol. 19. No. 3. P. 427-457.
22. Morgenthau H. *Politics among nations. The struggle for power and peace*. 6th ed. N.Y.: MacGraw-Hill, 1985. 688 p.
23. Morgenthau H. The intellectual and political functions of a theory of international relations // Harrison H.V. (ed.) *The role of theory in international relations*. Princeton, N.J.: D. Van Nostrand Company, 1964. P. 99-118.
24. Reus-Smit C. Beyond metatheory? // *European journal of international relations*. 2013. Vol. 19. No. 3. P. 589-608.
25. Turton H.L. The importance of re-affirming IR's disciplinary status // *International relations*. 2015. Vol. 29. No. 2. P. 244-250.
26. Waever O. The rise and fall of the inter-paradigm debate // Smith S., Booth K., Zaleski M. (eds.) *International theory: Positivism and beyond*. N.Y.: Cambridge University Press, 1996. P. 149-185.
27. Waltz K.N. *Theory of international politics*. N.Y.: Random House, 1979. 251 p.

IR's disciplinary status: theoretical and metatheoretical aspects

Ol'ga V. Safronova

PhD in History, Associate Professor,
Department of history and theory of international relations,
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
603005, 2 Ulyanova st., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: o.v.safronova@mail.ru

Abstract

This article deals with the developments in defining the disciplinary status of international relations (IR) taking place in the 20th century and at the beginning of the 21st century. Specific features of ascertainment of IR's autonomous and academic status within the "Great Debates" framework in International Relations Theory (IRT) are under consideration. In this context the author of the article analyzes the evolution of the main theoretical schools of thought and IRT paradigms as well as metatheoretical issues in the development of the discipline. Three peculiar historic phases are identified: the first, up to the mid-20th century, leads to raising an issue of self-conscious determination of IR's disciplinary status; the second one is concerned with achieving consensus about autonomous and academic status during and aftermath of the "second great debate" in the mid-20th century; and the third phase coincides with a new academic parameters delineation during the "post-positivist great debate". Obviously, the debate over IR's disciplinary status is far from being settled and the author hopes that it will never end because each new stage results in self-development and self-understanding of the discipline, stimulates further scientific research and opens up new prospects.

For citation

Safronova O.V. (2016) Distsiplinarnyi status issledovaniy mezhdunarodnykh otnoshenii: teoreticheskie i metateoreticheskie aspekty [IR's disciplinary status: theoretical and metatheoretical aspects]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theory and Problems of Political Studies], 1, pp. 54-75.

Keywords

International relations theory, IRT, Great Debates, disagreements between international relations scholars, IRT paradigms.

References

1. Aalto P. (2015) Interdisciplinary international relations in practice. *International relations*, 29 (2), pp. 255-259.
2. Baron I.Z. (2015) IR has not, is not and will not take place. *International relations*, 29 (2), pp. 259-263.
3. Beaulieu-Brossard P. (2015) Bypassing the reflexivity trap: IR's disciplinary status and the politics of knowledge. *International relations*, 29 (2), pp. 263-266.
4. Bogaturov A.D. (ed.) (2010) *Sovremennaya mirovaya politika: Prikladnoi analiz* [Contemporary world politics: An applied analysis]. 2nd ed. Moscow: Aspekt Press.
5. Brown C. (2013) The poverty of grand theory. *European journal of international relations*, 19 (3), pp. 483-497.
6. Buzan B. (1995) The level of analysis problem in international relations reconsidered. In: Booth K., Smith S. (eds.) *International relations theory today*. University Park: Pennsylvania State University Press, pp. 198-216.
7. Buzan B., Little R. (2000) *International systems in world history. Remaking the study of international relations*. N.Y.: Oxford University Press.
8. Devetak R. (2005) Critical theory. In: *Theories of international relations*. 3rd ed. N.Y.: Palgrave Macmillan, pp. 137-160.
9. Dunne T., Hansen L., Wight C. (2013) The end of international relations theory? *European journal of international relations*, 19 (3), pp. 405-425.
10. Grenier F. (2015) An eclectic fox: IR from restrictive discipline to hybrid and pluralist field. *International relations*, 29 (2), pp. 250-254.
11. Grenier F., Turton H.L., Beaulieu-Brossard P. (2015) The struggle over the identity of IR: What is at stake in the disciplinary debate within and beyond academia? *International Relations*, 29 (2), pp. 242-244.
12. Hansen L. (2015) Debating the identity of IR: Concluding reflections. *International Relations*, 29 (2), pp. 266-269.

13. Harrison H.V. (1964) Introduction. In: Harrison H. (ed.) *The role of theory in international relations*. Princeton, N.J.: D. Van Nostrand Company, pp. 1-14.
14. Jackson P.T., Nexon D.H. (2013) International theory in a post-paradigmatic era: From substantive wagers to scientific ontologies. *European journal of international relations*, 19 (3), pp. 543-565.
15. Lake D.A. (2013) Theory is dead, long live theory: The end of the Great Debates and the rise of eclecticism in international relations. *European journal of international relations*, 19 (3), pp. 567-587.
16. Lapid Y. (1989) The third debate: On the prospects of international theory in a post-positivist era. *International studies quarterly*, 33 (3), pp. 235-254.
17. Mearsheimer J.J., Walt S.M. (2013) Leaving theory behind: Why simplistic hypothesis testing is bad for international relations. *European journal of international relations*, 19 (3), pp. 427-457.
18. Morgenthau H. (1985) *Politics among nations. The struggle for power and peace*. 6th ed. N.Y.: MacGraw-Hill.
19. Morgenthau H. (1964) The intellectual and political functions of a theory of international relations. In: Harrison H. (ed.) *The role of theory in international relations*. Princeton, N.J.: D. Van Nostrand Company, pp. 99-118.
20. Reus-Smit C. (2013) Beyond metatheory? *European journal of international relations*, 19 (3), pp. 589-608.
21. Safronova O.V. (2015) Istoriya opredeleniya distsiplinarnogo statusa issledovaniy mezhdunarodnykh otnosheniy [The history of defining the disciplinary status of international relations]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], 4, pp. 75-84.
22. Safronova O.V. (2013) Sistemnyi analiz mezhdunarodnykh otnosheniy: nasledie K. Uoltsa [Systems analysis of international relations: K. Walts' legacy] In: *Traditsii i innovatsii v mezhdunarodno-politicheskom protsesse* [Traditions and innovations in the international political process]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, pp. 147-157.
23. Tsygankov P.A. (2013) "Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika": konsolidatsiya uchebno-nauchnoy distsipliny? ["International relations and

- world politics": consolidation of the academic discipline?]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International processes], 11 (3-4), pp. 6-20.
24. Tsygankov P.A. (1996) *Mezhdunarodnye otnosheniya* [International relations]. Moscow: Novaya shkola Publ.
25. Turton H.L. (2015) The importance of re-affirming IR's disciplinary status. *International relations*, 29 (2), pp. 244-250.
26. Waever O. (1996) The rise and fall of the inter-paradigm debate. In: Smith S., Booth K., Zalewski M. (eds.) *International theory: Positivism and beyond*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, pp. 149-185.
27. Waltz K.N. (1979) *Theory of international politics*. N.Y.: Random House.